

«ЗАБОТА О СЕБЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: феномен, концепт, проблема

Аналитический обзор ¹

В работе представлен обзор работ и исследований отечественных авторов, посвященных феномену «заботы о себе». Для организации структуры и логики обзора автор предложил рассмотреть различные работы авторов в формате топики, с точки зрения обсуждения феномена через призму таких «топов», как онтологический исток, дискурс заботы, предмет и практика заботы, субъект заботы.

Ключевые слова: топика заботы, предмет заботы, субъект заботы, практики заботы, онтологический исток заботы, духовные упражнения, духовные практики.

Установка зрения: топика заботы

В современных философских и психолого-педагогических отечественных исследованиях наблюдается рост интереса к феномену, который получил название «забота о себе». Назовем его пока так. Мы пока не будем определять его как что-то. Нам еще предстоит разобраться – что это за феномен? То ли это научная категория (причем, блуждающего типа, относящаяся одновременно к философии, этике, педагогике, психологии и др. научным областям). То ли это самостоятельная концепция, задающая определённый вектор мысли и практики, которую разрабатывает группа исследователей и практиков. То ли это исторический феномен, наблюдаемый и описываемый исследователями на разном историческом материале (будь то ἐπιμέλεια у Сократа, или cura sui у римских стоиков). То ли это нравственный принцип поведения, протяженный во времени и всякий раз варьирующийся в исторических человеческих практиках заботы и попечения. То ли это онтологический принцип, в целом укореняющий, организующий и направляющий человека в бытии и задающий ему онтологическую опору, и в этом смысле не сводимый к моральному принципу поведения или к нравственной заботе о другом живом существе. То ли это всего-навсего жизненный принцип заботы и попечения о другом человеке и самом себе, но без каких бы то ни было теоретических изысков: просто потому, что мы живые существа, мы обязаны (жизненно, так устроена жизнь любого живого) опекать и заботиться друг о друге. Тогда человек ничем не отличается от любого животного. Любая мать заботится о своём ребенке. Любая волчица заботится о своём детёныше. Или это все же сугубо человеческий феномен и он нам крайне важен с точки зрения собственного самоопределения человека как рода сущего?

В любом случае, мы сталкиваемся с весьма пёстрым разнообразием понимания, толкования и использования этого феномена у разных авторов. При этом мы не думаем, что необходимо всё это многообразие унифицировать. Мы как раз полагаем, что многообразие феномена показывает богатство, сложность и несводимость его к какой-то одной-двум версиям. Это показывает то, что феномен заботы о себе всегда актуален для человека и задает определённые корневые характеристики его бытия и мышления и не может быть сведён к каким-то локальным проявлениям, практикам и версиям понимания.

Но в этом случае, чтобы как-то организовать наш аналитический дискурс, необходимо ввести определённые критерии, реперы, фокусы, по которым мы могли бы рассмотреть то, как понимается и описывается этот феномен у разных отечественных

¹ Работа написана в рамках проекта «Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека» при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-03087).

авторов, стараясь при этом удерживать определённую историческую традицию, поскольку сам феномен, как известно, родился не вчера.

При классификации тех или иных работ отечественных исследователей мы будем руководствоваться не распределением авторов по разным группам (этот автор писал об этом, а этот автор писал об этом), а тем, что необходимо понять что-то в самом феномене заботы о себе и уже потом смотреть – что по тому или иному поводу говорили и писали различные авторы. Менее всего мы нуждаемся в классификации авторов и их работ. Более всего мы нуждаемся в понимании самого феномена заботы о себе. Нам важно многообразие голосов разных авторов, стремящихся как в хоре озвучить полноту и многообразие самого феномена.

Отметим, что аналитических обзоров по данной проблеме крайне мало. Их почти нет. На этом фоне выделяются работы В.Г. Безрогова и В.К. Пичугиной, которые пытаются не только представить свою позицию и понимание феномена заботы о себе, но и удерживать всеобщий контекст проблемы, совершая всякий раз обзор различных проекций и позиций¹.

Так, в специальной статье, посвящённой обзору современных отечественных исследований, посвящённых феномену «заботы о себе», они ввели свои критерии классификации точек зрения на этот феномен, правда, на примере большей частью психолого-педагогических работ и через призму проблемы образования человека².

В.Г. Безрогов и В.К. Пичугина выделили в «заботоведении» условно два направления исследований: 1) направление, связанное с дискурсом о заботящемся о себе самом человеке (в психолого-педагогическом контексте); 2) направление, связанное с рефлексией представлений о феномене «заботы о себе» в истории.

При этом первое направление авторы разделяют на три класса:

1) исследования, в которых «забота о себе» представлена как обобщённые представления человека постмодерна о самом себе и своём образовании;

2) исследования, в которых «забота о себе» представлена как техника (практика) или совокупность техник и практик конструирования самого себя как обучающегося;

3) исследования, в которых «забота о себе» представлена как деятельность, направленная на внутреннее и/или внешнее раскрытие потенциала человека путем саморазвития, самопознания, самоопределения.

Внутри второго направления В.Г. Безрогов и В.К. Пичугина выделяют два класса исследований:

1) исследования, в которых «забота о себе» представлена как принцип, который отразился в наиболее значимых работах мыслителей многих эпох и культур;

¹ Безрогов В.Г. Обращение и преображение как забота о себе: педагогическая парадигма христианской культуры. // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 99-111. Безрогов В.Г., Пичугина В.К. Забота о находимом себе: от Сократа к сети. // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры... – С. 234-246; Безрогов В.Г., Пичугина В.К. «Забота о себе» как психолого-педагогическая категория: обзор современных отечественных исследований. // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 3 (31). – С. 143-151. Пичугина В.К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Специальность 13-00-01 – общая педагогика, история педагогики и образования. Волгоград, 2013; Пичугина В.К. Антропологический дискурс педагогики. Исторические и теоретические аспекты. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 168с.; Пичугина В.К. Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике. – М., 2014; Пичугина В.К., Безрогов В. Г. Образование и забота о себе в эпоху метамодерна. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: «Педагогика. Психология». Выпуск 3 (38). 2015. – С. 116-128.

² Безрогов В.Г., Пичугина В.К. «Забота о себе» как психолого-педагогическая категория: обзор современных отечественных исследований. // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 3 (31). – С. 143-151.

2) исследования, в которых «забота о себе» представлена как конкретно-историческая практика, принцип, идея или техника, понятая через конкретные формулировки самих субъектов, авторов, формулирующих эти принципы.

Уже само перечисление данной классификации вызывает вопросы об осмысленности такого хода и схемы обзора. Что нам даёт такой принцип обзора работ разных авторов, писавших и пишущих о «заботе о себе», принимая во внимание при этом, что число работ растёт? Возникает ощущение, что базовым основанием разнообразия направлений и классов работ становится одно – личный интерес того или иного автора. Один пишет о педагогическом аспекте и о заботе о себе как о педагогической практике и технике, потому что он педагог. Другой пишет о философских основаниях и практике философствования, потому что он философ. Третий пишет о степени распространённости феномена среди разных групп населения, потому что он социолог. Четвёртый пишет о нравственном принципе, потому что он специалист по этике.

Ярким примером подобной пестроты, зачастую мало содержательной, являются периодически проводимые конференции, посвящённые той или иной проблеме, на которых собираются разные авторы, работы которых пишутся, что называется, *ad hoc*, но никак не в связи с глубинным интересом автора к проблеме¹.

В этом плане классификация, предложенная В.Г. Безроговым и В.К. Пичугиной, искусственна дважды. Первый раз искусственность возникает потому, что многие работы разных авторов написаны «по случаю». И только время покажет глубинность и устойчивость проработки проблемы у того или иного автора. Второй раз искусственность возникает, когда первую искусственность необходимо как-то распределить по направлениям и группам работ.

Это говорится ни в коем случае не в укор этим авторам. Просто такова ситуация с нашим сообществом. Это просто лишний раз показывает, что в качестве критериев понимания сложного феномена желательно выбирать критерии, исходящие от самого феномена, в данном случае – феномена заботы о себе. Что он есть такое как феномен?

Если же более предметно присмотреться к классификации В.Г. Безрогова и В.К. Пичугиной, то отметим несколько моментов.

Первое. Понятно, что феномен заботы о себе может рассматриваться и как принцип, и как практика, и как исторический феномен. В таком случае содержательно он может рассматриваться разными авторами из разных направлений, названных в этой классификации. Тогда зачем эти направления выделять? Они в любом случае переплетаются.

Второе. Критерии, по которым выделены эти два направления и пять групп авторов внутри направлений, не прозрачны. Они не выделены и не обоснованы, выглядят достаточно внешне, искусственно. Опять же именно потому, что авторы обзора вынуждены были брать работы авторов и как-то их распределять на группы. Но при этом они теряли главное – сам феномен. Он вообще-то тут не при чём.

Мы остановились на этой классификации прежде всего потому, чтобы взять его как модельный пример, показывающий всю сложность, искусственность и чреватость вообще всякой классификации. Чреватость связана с потерей самого предмета и

¹ «Заботоведение» здесь не исключение [27; 28]. Это не вина организаторов конференций. Так уж устроено учёное сообщество. Например, объявляется конференция памяти Н. Собираются заявки, делаются доклады, издаются сборники. И разные исследователи начинают подтягивать свой интерес к тематике конференции. Кто-то, возможно, никогда и не занимался проблематикой этого, пусть и выдающегося, автора Н. Но свой интерес он присовокупит и присоединит, записав свою работу в список публикаций. Подобная искусственность внешней привязки говорит прежде всего о том, что в качестве базовых критериев организации сообщества выступают не содержательность и актуальность того или иного сложного феномена (например, той же заботы о себе), а сугубо личный интерес того или иного исследователя. Мы тем самым получаем кривое зеркало при проведении аналитических обзоров: пестрота и сложность позиций связана с самим феноменом или с пестротой и разнообразием позиций и интересов? С этим еще предстоит разбираться.

проблемы, самого феномена, которому посвящаются работы. Поэтому попробуем отталкиваться не от авторов, а от самого феномена, задавая как бы ему вопросы – что он есть, введя некие критерии, ориентиры для дальнейшего анализа в виде рамочных топов, то есть мест, в которые и будем помещать то или иное содержание.

Первый топ: онтологический исток заботы. Насколько феномен заботы о себе онтологически укоренён? Выступает ли он в качестве онтологического ориентира и опоры? Что по этому поводу пишут и говорят современные исследователи? Продвигаются ли они дальше своих предшественников или здесь пока много проблем и тёмных мест?

Второй топ: дискурс заботы. Что и как мы говорим, когда говорим о заботе о себе? Какие слова употребляем? Какой словарь у нас вырабатывается в связи с нашим говорением о феномене заботы? Не происходит ли утери базовых смыслов при нашем богатом и многоречивом говорении о заботе? Сохранили ли мы культурные этимоны онтологических смыслов? Или происходит не только утрата онтологического истока, но и истощение и редукция нашего словаря, нашего дискурса?

Третий топ: предмет и практика заботы. Что такое делает субъект заботы? В чём заключается предметность этой заботы? Можно ли описывать заботу о себе как некую работу, особую практику, точнее антропопрактику? Например, эта практика сводится к нравственной заботе о ближнем или это особая практика аскезы, предполагающая осуществление работы по преобразению того, кто осуществляет заботу о себе? Чем отличается практика заботы о себе от других практик? Если отличается, то в таком случае у неё должны быть выделены специфические цели, задачи, виды работ, результаты. Или мы излишне перегружаем это феномен, стремясь всё богатство практик уместить в важнейший, но все же только один, нравственный, принцип ответственности человека за другого и потому – ответственности за себя?

Четвёртый топ: субъект заботы. Кто осуществляет эту заботу о себе? Есть ли понимание и согласованное видение ответа на этот вопрос о субъекте заботы? Кто он такой – этот субъект заботы? Кто тот, кто осуществляет эту заботу? Добавляет нам анализ феномена заботы с точки зрения её субъекта что-то новое в понимание феномена заботы или мы опять упираемся в давно известные рассуждения о субъекте, авторе?

Теперь рассмотрим конкретно каждый содержательный топ. Результатом рассмотрения будет топика «заботоведения» в виде четырёх топов, в которых удерживается полнота этого феномена. При этом те или иные работы будут посвящены не одному топу, а либо всем, либо двум, трем. Но это вовсе ничего не означает. Это означает только фиксацию сложности феномена и наличие или отсутствие работы того или иного автора в том или ином топе.

Первый топ: онтологический исток заботы

Если мы хотим понять тот или иной феномен, нам необходимо понять его онтологический исток, то, что делает его самими собой, что выталкивает его на собственное бытие. Что говорят нам по этому поводу различные отечественные авторы?

Многие авторы, дабы укоренить феномен заботы о себе, обращаются, естественно, к М.Хайдеггеру (К.В. Федичева, М.А. Полякова)¹. Например, М.А. Полякова напоминает сюжет из древней басни римского учёного и писателя Юлиа Гигина, который привел немецкий философ в «Бытии и времени»².

¹ Полякова М. А. Место *cura sui* в западных концепциях образования (*παίδεια*, *humanitas*, *Bildung*). // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: «Педагогика. Психология». Выпуск 3 (38). 2015. – С. 80-93; Федичева К.В. Забота о себе: философский, онтологический и этический аспекты. // Вестник Ленинградского государственного университета. – 2010. – Т. 2. - № 3. – С. 136-144.

² Само приключение этого мифологического сюжета поучительно. М. Хайдеггер наткнулся на этот сюжет в одной из статей мало известного автора К.Бурдаха «Фауст и забота». Последний указывает, что этот сюжет он нашёл у Гете, который использовал его для своего Фауста. Но он сам позаимствовал сюжет у Гердера. Последний нашёл басню у римского писателя [50, с. 197, прим. 1]. В литературе известны приключенческие

Римский писатель и учёный Юлий Гигин фактически использовал древний мифопоэтический образ рождения антропогенного мира из Первочеловека, части тела которого уподобляются частям мира (единство микро- и макрокосма). Согласно басне, богиня Забота слепила из глины форму и попросила Юпитера привнести в форму дух. Тот согласился. А затем боги решили дать своему порождению имя. И дали ему имя – homo, то есть тот, кто сделан из земли. Так появился Первочеловек.

Этот гуляющий сюжет, повествующий о творении человека из земли, глины, «праха земного», с одной стороны, и божественного дыхания, с другой («и вдунул в лице его дыхание жизни и стал человек душою живою» (Бытие, 2, 7), показывает архетипическое начало и основу, как утверждает тот же М. Хайдеггер, донтологического полагания феномена заботы. Так был создан и Адам. Далее идея заботы обосновывается М. Хайдеггером как составная часть его философского концепта бытия как присутствия. Забота для него выступает «экзистенциально-онтологическим основофеноменом»¹. Для немецкого философа забота выступает в качестве онтологической характеристики «бытия в присутствии», что, собственно, и есть человек, то есть здесь-бытие, бытие-в-присутствии (Dasein). То есть забота для М. Хайдеггера – не характеристика психологического или морального долженствования некоего субъекта перед собой или перед другим. Забота – суть онтологическое качество самого бытия, органом которого ставится человек. Главным предметом заботы в таком случае выступает укоренённое в бытии стремление человека стать «в просвете бытия» и оформить себя как орган бытия, через который бытие и является человеку непотаённым. Явление потаённого и есть собственно онтологический смысл заботы. А человек весь целиком становится таким органом заботы, не сводимым и не редуцируемым к каким-то онтическим или эмпирическим примерам.

Некоторые отечественные авторы касаются этого хайдеггеровского сюжета в части трактовки феномена заботы и стремления обнаружить ее онтологический исток (работы М.А. Поляковой, С.А. Смирнова, А.Е. Соловьева². Отметим ещё раз, что речь идёт о «заботе» как о корневой части онтологического присутствия, а не о «заботе о себе». Субъектная приставка возникла в культуре много позже. Сначала было доонтологическое начало в образе мифологической богини Заботы (Cura), затем оно вошло первостихией воды или воздуха в плоть материи и там осталась как бытие человека, обращённое на себя. Затем рефлексивная приставка «о себе» стала всё более доминировать в поле зрения исследователей, и различные авторы занялись большей частью этой приставкой, а не самой заботой.

Например, К.В. Федичева точно ставит проблему, касающуюся связки феномена заботы и опыта философствования, утверждая, что сама философия без вопрошания человека о себе перестаёт быть собой и в итоге сводится к определённой практике субъекта (фактически нововременного познающего субъекта) о себе с целью преодоления собственной расщепленности³. Но указанный автор сводит прецедент анализа заботы у М.Фуко к прецеденту заботы в философии в принципе, не фиксируя между ними разницы.

гуляющие сюжеты. Они потому и гуляющие, поскольку затрагивают архетипические экзистенциальные качества человеческого бытия.

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – С. 196.

² Полякова М. А. Указ. соч.; Смирнов С.А. Забота о себе: концепт и практика. // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведет нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 60-74; Смирнов С.А. О смысле онтологической заботы/работы (комментарии на полях «Герменевтики субъекта» М.Фуко). // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2010. – Т. 4. - № 1. – Серия: «Психология». – С. 74-93; Соловьев А.Е. Историко-философский анализ феномена «заботы о себе». Автореферат на соискание ученой степени к-та филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

³ Федичева К.В. Забота о себе...

Да, М. Фуко вернул нам заботу как предмет мысли, обратил внимание современных авторов и исследователей на античный феномен заботы и увязал познание и добывание истины с практикой себя, практикой преобразования себя. Но это был проект М. Фуко, стремящегося вернуть человеку его самого. И это вовсе не означает, что проект М. Фуко и есть единственный философский проект и единственно верная онтологическая версия. Точнее, в проекте «практик себя» М.Фуко как раз онтологический горизонт просто отсутствует (см. опыт реконструкции «практик себя» М. Фуко в работах А.В. Ахутина, С.С. Хоружего, С.А. Смирнова, А.Г. Погоняйло ¹).

Забегая вперед, отметим, что большинство работ отечественных авторов посвящены не заботе, а ее приставке – то есть тому, что есть забота *о себе*, кто такой этот субъект заботы, в чём состоит его предмет заботы, что это за практика заботы и т.д. вплоть до прикладных вещей, касающихся технологий и методов заботы. То есть во многих работах человек озабочен опять же собой, а не самой заботой, то есть не бытием как присутствием.

На этом фоне выделяются работы М.А. Поляковой, К.В. Федичевой, В.Г. Безрогова, В.К. Пичугиной, А.Е. Соловьёва, Г.В. Иванченко и др., которые пытаются в своих исследованиях удержать онтологический контекст, равно как и глубинную корневую связь феномена заботы с языком, выискивая культурные этимоны заботы, привлекая материал древнегреческого, латинского и новоевропейских языков ².

А.Е. Соловьёв в своём исследовании даёт подробный анализ истории заботы о себе на материале европейской философской и религиозной традиции ³. Но в контексте онтологического репера нам интересно то, что А.Е. Соловьёв на материале работ Хайдеггера выявляет не только известную связь аналитики Dasein и экзистенциальной терапии как практики заботы, но и на материале более поздних работ М. Хайдеггера показывает скрытую религиозность немецкого мыслителя, его попытку осуществить акт детеологизации и поиска «последнего бога». Переход от метафизики к «событийному мышлению» выражается у М.Хайдеггера в том, что главная онтологическая забота человека – это его нужда в «последнем Боге».

Отметим, однако, некоторую затемнённость этих мест у самого А.Е. Соловьёва, равно как и у М. Хайдеггера. Речь в целом идёт о второй по значимости работе М.Хайдеггера после «Бытия и времени» – работе «Вклады в философию. От события» ⁴. Эта работа сравнительно недавно была опубликована и даны первые комментарии в работе В.В. Биbihина ⁵. В ней забота продолжает пониматься Хайдеггером в онтологическом ключе: «Быть искателем, хранителем, стражем – это предполагает заботу как основу человеческого бытия. В этом именовании – заботе – сосредоточено назначение человека...» ⁶. Явно выраженный скачок, сдвиг в этой работе у М. Хайдеггера если и

¹ Ахутин А.В. Практика субъективности и/или герменевтика субъекта. Критический анализ отношения «познания себя» и «заботы о себе» у позднего М.Фуко. // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2009. – № 9. – С. 44-66; Погоняйло А.Г. Техника себя и философия Нового времени. // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2009. – № 9. – С. 67-80; Смирнов С.А. О смысле онтологической заботы/работы...; Хоружий С.С. Последний проект М.Фуко в призме синергийной антропологии. // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2009. – № 9. – С. 11-43.

² Безрогов В.Г., Пичугина В.К. Забота о находимом себе: от Сократа к сети...; Безрогов В.Г. Обращение и преобразование как забота о себе: педагогическая парадигма христианской культуры...; Безрогов В.Г., Пичугина В.К. «Забота о себе» как психолого-педагогическая категория...; Иванченко Г.В. Забота о себе: история и современность. — М.: Смысл, 2009. – 304 с.; Пичугина В.К., указ. соч.; Соловьёв А.Е., указ. соч.; Федичева К.В., указ. соч.

³ Соловьёв А.Е. Историко-философский анализ...

⁴ Хайдеггер М. Вклады в дело философии. От события. Пер. Э.Сагетдинова. // Ἑρμηνεία. Герменей. Журнал философских переводов. – 2009. - № 1(1). – С. 56-94.

⁵ Биbihин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к Beiträge. // Ἑρμηνεία □ Герменей. Журнал философских переводов. – 2009. – № 1(1). – С. 95-118.

⁶ Хайдеггер М., указ. соч., с. 67.

намечается, то в сторону концепта События, что фактически продолжает тему именно онтологического характера заботы – как способа бытия человека, поскольку забота человека о бытии собственно и задает его бытию событийность, онтологическую состоятельность. А.Е. Соловьёв подчёркивает, что Хайдеггер был занят поиском адекватного дискурса, связанного с описанием проблемы онтологической нужды человека в подлинном бытии, что и переживается им как «нехватка Бога», и противостоит житейской нужде и душепопечению. Последние и есть разного рода онтические редукции заботы, существующие в практиках терапии, медицины, педагогики.

Человек, полагает М. Хайдеггер, осуществляет заботу о себе как о существе тогда, когда он осуществляет акт открывания к несокрытому (потаённому) существу, вырастает в несокрытое и становится тем самым мерой бытия сущего¹. Человек есть мера сущего в той степени, в какой он открывается существу и в какой ему открывается сущее как несокрытое. И в такой степени он и есть человек как человек, становящийся тем самым самим собой. Это действие по открыванию себя существу и есть онтологически укоренённая забота о себе как о человеке (см. подр. в нашей работе²).

Отметим, что К.В. Федичева, М.А. Полякова, вскрывая античные корни заботы о себе, выделяя принцип заботы о себе в античной философии как практику, духовное упражнение (вслед за П. Адо. М. Фуко и др.) фиксируют момент девальвации и редукции заботы о себе далее в европейской традиции. А.Е. Соловьёв же отмечает девальвацию принципа заботы в протестантизме и поздней светской психотерапии: аскетическая забота о себе уступила место «просто вере», не нуждающейся в действии ради спасения. Сам субъект, точнее человек, исчез, поскольку он занят ожиданием спасения, которое придёт. А психотерапия и вовсе не нуждается ни в каком бытии и акте спасения. Она занята мелкими душевными правками и подставками в медицинском психотерапевтическом смысле.

Не будем повторять эти плодотворные культурно-этимологические раскопки, которые показывают богатую традицию развития как дискурса о заботе (В.К. Пичугина), так и собственно разного рода практик заботы (религиозные, медицинские, педагогические практики) (см. работы Г.В. Иванченко, В.Г. Безрогова, В.К. Пичугиной, А.Г. Бермуса и др.)³.

Отметим только, что онтологический посыл, заданный М. Хайдеггером, почти не получил должного продолжения в «заботоведении». Далее различные авторы разбирают прикладные ответвления от заданного корня. Либо автор рассматривает приключения термина в немецком, итальянском языках (грамотные тонкие наблюдения в работах М.А. Поляковой)⁴.

Либо забота о себе как концепт рассматривается с точки зрения формирования самостоятельного антропологического дискурса в античной педагогике (работы В.К. Пичугиной)⁵.

Либо исследователи идут дальше и рассматривают уже сугубо практический смысл и предмет заботы – то есть, описывают вслед за нашумевшими лекциями М. Фуко разного рода практики заботы, практики себя и проч. (см. работы Ю.А. Асояна, В.Г. Безрогова, С.А. Смирнова и др.)⁶, включая прецеденты этих практик заботы о себе у древнегреческих

¹ Хайдеггер М. Ницше. Пер. с нем. А. П. Шурбелева. В 2-х тт. Том II. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – С. 121.

² Смирнов С.А. Форсайт человека. Опыты по неклассической философии человека. – Новосибирск: Офсет, 2015. – 642-657.

³ Безрогов В.Г., указ. соч.; Пичугина В.К., указ. соч.; Бермус А.Г. Феноменология «заботы о себе» в контексте библейских традиций. // Мы все в заботе постоянной... Часть 2... С. 112-127; Иванченко Г.В. Забота о себе...

⁴ Полякова М. А. Место *cura sui*...

⁵ Пичугина В.К. Антропологический дискурс...

⁶ Асоян Ю.А. Этическая перспектива заботы о себе в концепции М. Фуко: от «эстетики существования» к «генеалогии этики». // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и

древнегреческих и римских авторов или исследуя следы этой заботы у других авторов (напр., практика философствования как феномен заботы у Ф. Ницше, С. Киркегора, П.Я. Чаадаева, М. Фуко, П. Адо и др.) (работы С.А. Смирнова, И.С. Коковина, Ю.А. Асояна, М.Г. Чесноковой и др.¹).

Впрочем, последнее встречается не так часто. Аналитика, например, философии как практики аскезы встречается до сих пор весьма редко (см. работы И.С. Коковина, С.А. Смирнова, С.С. Хоружего).

Пожалуй, одним из немногих примеров продолжения онтологической линии в отечественной литературе являются работы С.С. Хоружего². Последний специально не занимается терминологической и понятийной работой применительно к феномену «заботы о себе». Но разрабатывая собственную концепцию синергийной антропологии, идущей от восточно-христианской традиции, он пытается укоренить понятие духовных практик (практик заботы) в онтологическом истоке, идя вслед за М. Хайдеггером. С.С. Хоружий вводит представление о трех пространствах (топиках) обитания человека, о трёх типах размыкания человека миру – онтологическом, онтическом и виртуальном³. И при этом С.С. Хоружий отмечает, что в течение последних двух тысяч лет человек переживает своеобразный кенозис и редукцию, сужение онтологического горизонта до виртуальных практик. И если первый горизонт зиждился на духовных практиках заботы о себе в контексте бытия, то второй тип человека, человека без бытия, человека Нового времени, уже обходится без этой заботы. Третий тип пребывает вообще вне бытия, его пребывание ограничено виртуальным миром, после которого начинается уже мир постчеловека, мир киборгов и мутантов, происходит трансформация человека как рода в постчеловека. С.С. Хоружий фиксирует в этой связи проблему обострения онтологического самоопределения человека: он либо восстанавливает корневую систему заботы человека о своем бытии, либо выбирает сценарий трансформации в постчеловека.

Об этом пишут разные авторы, показывающие отказ человека от заботы о себе, отказ человека от бытия как один из нарастающих современных антропологических трендов, которому противостоит еще сохранившийся тренд заботы человека о себе-в-бытии (см. работы С.А. Смирнова, П.В. Кайгородова, А.Г. Горбачевой⁴).

К проблематике онтологического топа относится и вопрос, связанный с разведением понятий «познания себя» (γνῶσις σαυτόν) и «заботы о себе» (ἐπιμέλεια). Многие авторы фактически отождествляют понятие заботы и самопознания, даже те, кто знаком с культурными этимонами феномена заботы. В то же время ранее в литературе была зафиксирована разница между познанием человеком себя и заботой о себе. Это разведение чётко видно на самом культурном материале, если мы сравним фигуры Эдипа и Сократа (см. подр. в нашей работе⁵).

культуры... Часть 2... – С. 11-27. Безрогов В.Г. Обращение и преображение как забота о себе; Смирнов С.А. О смысле онтологической заботы/работы...

¹ Коковин И.С. Забота о себе в философии П.Я. Чаадаева. // Мы все в заботе постоянной... Часть 2... С. 50-59; Смирнов С.А. Философская аскеза Петра Чаадаева. // Философские науки. 2015. № 8. – С. 21-36; Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 352с.

² Хоружий С.С. Последний проект М.Фуко в призме синергийной антропологии. // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2009. – № 9. – С. 11-43.

Хоружий С.С. Человек: сущее, трояко размыкающее себя. // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2006. – № 2. – С. 31-56. Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 352с.

³ Хоружий С.С. Человек: сущее, трояко размыкающее себя. // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2006. – № 2. – С. 31-56.

⁴ Горбачёва А.Г. Ситуация человека: отказ от заботы о себе. // Мы все в заботе постоянной... Часть 2... С. 343-352; Кайгородов П.В. Границы категории Иного в парадигме трансгуманизма. // Мы все в заботе постоянной... Часть 2... – С. 353-358; Смирнов С.А. Фармацевтика антропологических трендов. Антропологический форсайт. // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 88-104.

⁵ Смирнов С.А. Форсайт человека... С. 642-657.

Эдип в известной трагедии попал в ситуацию, которая заставляла его постепенно прозревать и открывать страшную тайну о самом себе. Герой, будучи зрячим, не ведал, что творил. Затем, когда он открыл эту тайну о самом себе, он слепил себя¹. Коллизия заключается в том, что герой трагедии узнаёт то, что уже было заповедано ему и предназначено как судьба. Предназначение героя заключается в том, что он открывает то, что уже известно, только не ему, а богам. В этом состоит в принципе феномен акта познания: человек открывает то, что в мире уже есть, и он, субъект познания, вооружившись инструментами познания, открывает этот мир, как нож вскрывает банку. Рррраз! – И мир познан. То есть открыт, освоен, захвачен. А добываемое при этом знание о мире становится инструментом захвата, орудием. На этом построена вся история европейской науки. И сам учёный похож на того героя: он открывает тайны мира. Отдавая себя в жертву, служа науке, кладя себя на алтарь истине, он получает доступ к истине.

Но феномен заботы устроен сложнее. Забота о себе предполагает не открывание мира, а преобразование себя. Последнее есть условие доступа к истине. Сократ, в отличие от Эдипа, призывая Алкивиада заботиться о душе своей, при этом указывал, как и что надо делать – «упражняйся, мой милый» (Алкивиад I, 132b)! Познание мира и себя устроено как научный эксперимент. А забота устроена как духовное упражнение (П. Адо)². В «Алкивиаде I» Сократ фиксирует, что «познав самих себя, мы одновременно познаем заботу, в которой нуждаемся, а без такого познания мы никогда этого не поймем» (Алкивиад I 129 a). Человек, заботясь о себе, познает и саму эту заботу, то есть «самое самó» (в оригинале αὐτὸ τὸ αὐτό).

Об этом много и подробно писали П. Адо и М. Фуко, вернувшие феномен заботы европейским интеллектуалам³. Вслед за ними фактически все исследователи разбирают уже феномен самого М. Фуко, говоря о заботе его словами и видя феномен заботы его глазами, вводя различие между понятиями «умопремены» или преобразования (μετάνοια) и возвращения или возврата к истоку, первоначалу (ἐπιστροφή) (см. работы П. Адо, М. Фуко⁴).

Аспект различения познания и преобразования на примере лекций М. Фуко разбирает А.В. Ахутин, показывающий, что французский философ использовал в своей версии смыслы и коннотации понятий субъекта, познания и герменевтики, которые в явном виде не могут быть применены к античному материалу [5]. Понятно, что ни субъекта, ни герменевтики в новоевропейском понимании не было в античной традиции. Последняя уже разводила познание (γνώσις) и заботу (ἐπιμέλεια, суга, учитывая различные дериваты и соотношения с иными концептами – παιδεία и др.). Более точно и аккуратно работа с культурными этимонами показана в упомянутых работах В.К. Пичугиной, М.А. Поляковой и др. Впрочем, мы тем самым переходим к другому реперу – дискурсивному.

Резюме по первому топу. Онтологический исток заботы, если и вспоминается отечественными авторами, то в сугубо историко-культурном смысле и в связи с обращением к таким авторам, как Платон или М.Хайдеггер. Последний остаётся автором

¹ Если иметь в виду позднюю эстетическую вставку у Софокла. На игре слепоты и зрения строится вся трагедия Софокла, об этом писал С.С. Аверинцев: Аверинцев С.С. К истолкованию символики мифа об Эдипе. // Античность и современность. – М., 1972. Ранее в древних мифологических сюжетах финал выглядел не так театрально-эстетически: герой, узнав тайну, в древнем мифе осклопил себя. Слепота Эдипа может восприниматься как поздняя эстетическая вставка (см.: Грейвс Р. Мифы Древней Греции. – М.: Прогресс, 1992. – С. 284).

² Адо П. П. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. При участии В.А.Воробьева. – М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 448с. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И.Дэвидсоном / Пер. с фр. В.А.Воробьева, - М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 288с.

³ Правда, это возвращение состоялось в редуцированном виде – в виде «практик себя», но без бытия, за что П. Адо критиковал М.Фуко, упрекая его в «дендизме» [3, с. 210]. Возвращение состоялось в версии «Фуко без Хайдеггера».

⁴ См. подр. работы А.В. Ахутина, Ю.А. Асояна, А.Г. Погоняйло, С.А. Смирнова, С.С. Хоружего, в которых разбираются смыслы и контексты заботы о себе через призму концепта «практик себя» М.Фуко.

на выбор – кому по вкусу М.Хайдеггер, а кому по вкусу М.Фуко, а кому по вкусу англосаксонская традиция, предпочитающая жить без бытия. Античный же горизонт вообще находится уделом узких специалистов. В этой связи отметим, что пока тот или иной автор будет оставаться предметом вкуса, феномен заботы так и останется маргиналией на полях магистральных дискурсов. Или забота становится одним из контекстов той или иной авторской антропологической концепции (как в случае с С.С. Хоружим или С.А. Смирновым). Пока история философии и культуры не будет переосмыслена с точки зрения нового онтологического переопределения человеком себя как сущего, нуждающегося в бытии – до тех пор забота останется на периферии умозрения человека.

Второй топ: дискурс заботы

В топике «заботоведения» выделяются исследования, которые посвящены специальной работе, связанной с выстраиванием особого дискурса заботы, истории категории «заботы о себе», анализу культурно-этимологических корней и традиций, показывающих рождение феномена заботы. Этому посвящены уже названные работы М.А. Поляковой, В.К. Пичугиной, В.Г. Безрогова, А.Г. Бермуса, А.Е. Соловьёва.

Надо сказать, что «забота» и «забота о себе» до сих пор не встроена в категориальный ряд философских и психолого-педагогических наук. «Забота» как категория просто отсутствует во всех отечественных философских словарях и энциклопедиях. «Забота» присутствует в словаре В.Даля, в этимологическом словаре М. Фасмера, толковом словаре С.И. Ожегова, но именно потому, что это слово естественного русского языка.

Кстати, этимология слова намекает на приведённый нами выше контекст онтологического топа: забота в словарях описывается как особая работа, которой человек занят постоянно и долго, непрестанно; это то, что человека гложет, поедом ест. Забота постоянно присутствует с тобой, в твоей жизни. И её невозможно оторвать от твоего повседневного существования¹. Этот этимологический контекст отмечают также В.Г. Безрогов и В.К. Пичугина². При этом в словарях естественного языка указывается прежде всего на контекст внешней заботы – забота как попечение и уход за кем-то (другим человеком, садом, цветами, огородом, лесом, домом, каким-то делом и др.). И контекст при этом нагружен смыслами, связанными с обременением, нуждой, беспокойством, которые дают человеку мало счастья, а точнее и не дают его вовсе. Идеал счастливой жизни как раз лежит по ту сторону заботы – в виде спокойного, свободного от забот и хлопот существования. Контекст заботы как беспокойства и хлопот, которыми человек постоянно, днём и ночью, занят, доминирует в естественном языке. Забота – это не просто беспокойство. Это тяжёлая работа, требующая труда, усердия, постоянного внимания. В.И. Даль отмечает также особую фигуру «заботника» в песнях и свадебных обрядах – это попечитель, старатель, радетель, кормилец³.

Что же касается категориальной работы, то здесь всё ещё сложнее. Первая сложность связана с тем, что словарь антропологии, словарь философии человека, фактически отсутствует в нашем отечественном научно-философском поле. Есть словари и энциклопедии лингвистические, педагогические, литературные, театральные, философские, медицинские и др. Но нет до сих пор аналитического антропологического словаря. Он не построен, не разработан, не издан научным сообществом (см. об этом

¹ «Забота», возможно, связана с корнем «зоб», «зобати», «есть (зерно)», «клевать», «пожирать», потому что забота гложет, ест человека, пожирает изнутри (см. у М. Фасмера [46, с. 70-71]).

² Безрогов В.Г., Пичугина В.К. «Забота о себе» как психолого-педагогическая категория: обзор современных отечественных исследований... С. 146.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – С. 502.

также в наших работах ¹. Этим объясняется тот факт, что сообщество еще так и не выработало собственно антропологический категориальный дискурс и не выстроило согласованный понятийный ряд базовых антропологических концептов и категорий.

Вторая сложность связана с тем, что забота как категория фактически отсутствует в отечественных философских словарях². В них есть категория «образование», внутри которой можно было бы выделить контекст самообразования и тем самым косвенно – контекст заботы. Но не более того.

Поэтому важнейшим топом в топике заботы остаётся топ дискурсивный, поскольку невнятность и одновременно пестрота нашего речеворения про заботу будет всегда отражаться на нашем понимании феномена заботы.

В работах В.К. Пичугиной осуществлена попытка вообще встроить категорию заботы о себе в определённый антропологический дискурс³. В.К. Пичугина поставила задачу, связанную с построением самостоятельного антропологического дискурса в педагогике и через его призму переосмыслить в целом историю педагогики и образования, начиная с античных образцов. В специальной работе, посвящённой анализу антропологического дискурса заботы в античной педагогике, В.К. Пичугина проделала работу по аналитике и выявлению разнообразных контекстов и смыслов категории «заботы о себе» в античном образовании (включая древнегреческую *paidéia* и римскую *cura sui*). Объём и результаты работы впечатляют. Автор отобрала и изучила более 90 памятников античного периода, в которых нашли отражение различные контексты феномена «заботы о себе». Такая богатая работа по инвентаризации принципиально важна как с точки зрения собирания утраченных смыслов, так и с точки зрения собирания и восстановления имён. Но важно и другое. Задаёт ли ясность и точность такая инвентаризация нашему предмету – феномену заботы о себе? Выстраивается ли концепт заботы?

Отметим, что В.К. Пичугина не только фактически восстановила богатый исторический контекст заботы в истории педагогики, переписав и переосмыслив историю педагогики через призму категории заботы, но и предложила на этой базе собственно и антропологический дискурс, введя идею антропологического тезауруса, то есть словаря базовых понятий-концептов, образующих определённый каркас антропологии педагогики. В этот тезаурус вошли такие концепты, как антропологическая традиция, антропологическая парадигма, антропологический принцип, антропологическое пространство, антропологический подход, антропологическая концепция, антропопрактика⁴.

Такой ход, направленный на выстраивание в целом антропологического дискурса и тезауруса и уже включение в него концепта заботы является принципиально важным и точным методологическим ходом. Но далее для выстраивания собственного дискурса необходимо ставить методологические реперы и ориентиры – что есть антропологическое и неантропологическое? Набор прилагательных («антропологический») и проговаривание про то, что это всё про человека, концептуально нас не продвигает. В этом плане богатый античный исторический материал, собранный и обобщённый В.К. Пичугиной и другими исследователями, может помочь наполнить эти пока не заполненные места-локусы в антропологическом тезаурусе, чтобы мы действительно имели культурную сокровищницу, а не на набор пусть красивых, но мертвых бабочек, наколотых на иглу и включённых в нашу коллекцию определений.

¹ Смирнов С.А. Форсайт человека...

² Зарубежную европейскую традицию мы здесь не рассматриваем. Отметим только, что здесь ситуация намного лучше. Это связано как раз с тем, что латинская забота *cura* естественным образом вошла в понятийный ряд научного европейского дискурса и присутствует в современных тезаурусах словарей (об этом см. работы М.А. Поляковой, В.К. Пичугиной).

³ Пичугина В.К. Антропологический дискурс педагогики. Исторические и теоретические аспекты. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.

⁴ Пичугина В.К. Антропологический дискурс педагогики... С. 83-103.

Что касается попытки определения феномена заботы, то у В.К. Пичугиной оно звучит так: «антропологический дискурс «заботы о себе» – речемыслительное пространство, объективировавшее феномен «забота о себе», предопределившее педагогические установки и механизмы реализации образовательных маршрутов ученика-взрослого, которые нашли отражение в концептуальной схеме, зафиксированной в корпусе античных педагогических текстов»¹. И уже внутри этого антропологического дискурса «забота о себе» определяется В.К. Пичугиной как «понятие, которое в античном тезаурусе обобщало представления о высшей ступени образования и самообразования и характеризовало взаимодействие между наставником и учеником, осуществляемое в широком жизненном пространстве»².

Фактически В.К. Пичугина проделала работу, связанную с заполнением дискурсивного дефицита, который до сих пор наблюдается в нашей отечественной гуманитарной литературе, даже и после лекций М. Фуко и после выхода книги Г.В. Иванченко³. После выхода лекций М. Фуко на русском языке в нашей литературе так и оставался не заполненным вакуум осмысления собственно феномена «заботы о себе» в античном наследии, как в греческом (ἐπιμέλεια), так и в латинском (cura) вариантах. Во многом это было связано с тем, что разные отечественные авторы заняты собой, своими концептами, и каждый встроил М. Фуко и его концепт «практик себя» в свою концепцию, а собственно сам-то феномен заботы о себе на богатом античном материале толком и детально никто и не исследовал.

Но, повторяю, мало провести инвентаризацию. Необходимо результаты инвентаризации сделать материалом для концептуальной работы и попытаться построить собственно концептуальный дискурс феномена заботы о себе и встроить его в более широкий гуманитарный философский дискурс. Этому и посвящены работы В.К. Пичугиной, М.А. Поляковой, В.Г. Безрогова, Г.В. Иванченко и некоторых других авторов.

В частности, М.А. Полякова провела тонкий анализ связи концептов и понятий древнегреческой παιδεία, латинского humanitas и немецкого Bildung, на основе которого фактически проследила историю развития концепта заботы от античных корней до идей немецких мыслителей и далее вплоть до рецепции этих категорий у современных итальянских авторов, пытающихся восстановить культурные этимоны и удерживающих в своем поле зрения работы М. Хайдеггера и М. Фуко⁴.

М.А. Полякова отмечает, что понимание παιδεία как формирование образа человека по образу и подобию Божию долгое время удерживалось в европейской интеллектуальной традиции. Богатый онтологически укоренённый исток заботы о себе (cura sui) восстанавливается в работах современных итальянских авторов Ф.Камби, Ф.Капуто, В.Буффо, М.Дженнари⁵. Немецкий концепт Bildung еще долго удерживал богатый контекст образования как поиска образа Бога в человеке и восстановления связи его с Богом, «который в нём пребывает»⁶. Особенно это было выражено в религиозно-мистической традиции (М.Экхарт). Итальянский философ М. Дженнари приводит ключевое место из трактата М. Экхарта: «Душа человека – это поле, где Бог посеял свой

¹ Пичугина В.К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики. Автореферат дисс. на соискание уч. степени д-ра пед. наук. Волгоград, 2013. – С. 8

² Пичугина В.К. Развитие антропологического дискурса..., С. 8.

³ Иванченко Г.В. Забота о себе...

⁴ Полякова М. А. Место cura sui в западных концепциях образования (παιδεία, humanitas, Bildung). // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: «Педагогика. Психология». Выпуск 3 (38). 2015. – С. 80-93.

⁵ Рамки нашей работы не позволяют подробно анализировать работы современных зарубежных авторов, посвященные теме заботы о себе. Вместе с тем, отметим, что итальянские авторы более внимательно относятся именно к онтологической топике заботы, увязывая ее как с работами М. Хайдеггера, так и с богатой мистико-религиозной традицией. Об этом также пишет М.А. Полякова. Целый ряд переводов выше названных и других итальянских авторов был опубликован в отечественных научных изданиях (см. [27; 28]).

⁶ Полякова М. А. Место cura sui... С. 84.

образ»¹. Посеянный образ Божий всегда остаётся в поле действий человека, идущего по полю, как живой источник². Это место принципиально, поскольку показывает то, что Образ Божий не пребывает где-то далеко вне человека, в некоем пространстве онтологически Иного, за горизонтом обитания человека, а наоборот, всегда здесь, под рукой, внутри, в поле действий человека. Но последнему предстоит тяжело трудиться над возделыванием в себе этого образа, над его (вос)созданием.

Вместе с тем М.А. Полякова отмечает вслед за итальянскими авторами, что в настоящее время наблюдается явно наметившийся тренд, направленный на сужение, редукцию концепта *Bildung* – в сторону понимания его как техники обучения в категориях инструментария, практического упражнения³. При этом авторы, исследуя богатую культурную традицию образования (*Bildung*, пайдейя) в залоге постоянной заботы, относят это занятие к сугубо историко-философскому исследованию традиции, отмечая, что современность уже не нуждается в таком богатом корне и высоком горизонте. В ответ на этот вызов-редукцию, отмечает М.А. Полякова, итальянские коллеги пытаются вернуть эти уходящие смыслы и даже включают в программы повышения квалификации учителей свои работы по истории концепта заботы о себе в античности и в новоевропейской традиции [36, с. 90]⁴.

Дискурсивный топ заботы будет радикально не полным, если мы не остановимся на вкладе, который был сделан Г.В. Иванченко. В отечественном «заботоведении» книга Г.В. Иванченко является до сих пор единственным исследованием, показывающим попытку встроить «заботу о себе» в современную гуманитарно-антропологическую отечественную мысль, причём не в сугубо историко-культурном контексте (как у В.К. Пичугиной, А.Г. Бермуса, М.А. Поляковой), а с точки зрения современной мысли и современных вызовов⁵. вызовов⁵.

Г.В. Иванченко даёт своё рамочное определение заботы о себе. Точнее, это определение даётся не отдельным высказыванием словарного типа, а всей книгой. Поэтому выделим основные реперные точки, которыми Г.В. Иванченко обозначает понятийные границы категории «забота о себе»⁶.

Забота о себе не равна самосовершенствованию. Она не обязательно предполагает преодоление себя и своих слабостей.

Забота о себе не совпадает со стремлением к счастью. Счастье – не гарантированный и побочный продукт заботы о себе.

Забота о себе не является инвестированием в свой человеческий капитал. Её отличает меньшая прагматичность.

Забота о себе есть не только любовь к себе, но может осуществляться и без последней.

Забота о себе не становится проявлением довольства собой, самоуспокоенности.

Забота о себе не есть привычка, хотя и может быть непрерывной, неуклонной, неустанной.

¹ Полякова М.А. Место *cura sui*... С. 84

² Один из архетипических культурных образов заботы – человек-сеятель, ведущий плуг по полю – вслед за божественным действием возделывания и взращивания семени мира, уподобляя своё образование и заботу о мире возделыванию в себе посеянного образа Бога. Этот образ нашёл отражение в известном мистическом изречении, оформленном в палиндроме: «*Sator Arepo tenet opera rotas*» (Сеятель Арепо трудом (своим) направляет колеса (колесницы). Пять слов оформлены в квадрат, образ размежеванного поля, по которому вслед за плугом идет человек-сеятель, повторяющий Перводействие Бога-творца, Создателя (*Sator*). Слова в этом квадрате читаются одинаково в разных направлениях.

³ Полякова М. А. Место *cura sui*... С. 91.

⁴ В нашем Отечестве и того хуже. Мало того, что наши педагоги озабочены (!) сугубо методиками обучения (что понятно и типично, и это отмечают и итальянские авторы), но включение в программы повышения квалификации педагогов, например, работ Платона, М. Фуко и М. Хайдеггера трудно представить.

⁵ Памяти Г.В. Иванченко была посвящена представительная Международная конференция «Заботе о себе» в педагогике, психологии и культурологии» [27; 28].

⁶ Иванченко Г.В. Забота о себе.... С. 12-15.

Забота о себе не оказывается самозамыканием, не уводит нас от других людей, но приводит к ним.

Забота о себе, предполагая доверие к себе, тем не менее, возможна и при невысоком уровне этого рода доверия.

Забота о себе ведёт человека к большей внутренней свободе, к большей осознанности и ответственности и через это – к человеческому достоинству.

Не являясь исключительно интеллектуальным актом, забота о себе во многом опирается на самопознание и самопонимание.

Забота о себе тесно связана с категорией возможного, с приближением к «возможному Я» и «желаемому Я».

Как видим, выше приведенный перечень задан в апофатическом залоге – забота есть не то, не то, и не это. С этим перечнем трудно спорить. Из нашего изложения уже становится ясным, что забота не сводима ни к каким отдельным проявлениям. И в этом состоит сильная сторона позиции Г.В. Иванченко. Но тогда вопрос – а что *есть* забота?

Надо отметить, что дискурс заботы в книге Г.В. Иванченко пока кренился в педагогическую и нравственную область. Работы многих авторов, таких как В.К. Пичугина, М.А. Полякова, В.Г. Безрогов, Г.В. Иванченко, Т.М. Ковалёва и др., написаны на историко-педагогическом и этическом материале. В них философский онтологический топ слабо выражен. В этом заключается одновременно сила и слабость работ. Сила связана с тем, что педагогический материал задаёт нашему видению феномена заботы явно выраженный практический вектор (практика заботы учителя об ученике, практика собственной заботы о себе, практика заботы о заботе).

Слабость же заключается в том, что педагогическая рамка исторически не сможет удержать объём и полноту феномена заботы. Это чувствуется по ряду работ, в том числе и по книге Г.В. Иванченко. Последней (книге) не хватает концептуальности и понятийности. Многообразие ракурсов и смыслов, показанное в книге, даёт богатство чувств и эмоций. Но если ставить себе задачу строить концепт заботы и встраивать его в историко-культурный философский гуманитарный ряд, то этого уже не достаточно. Вместе с тем, Г.В. Иванченко проделала принципиальную работу, связанную с попыткой согласования представлений и практик заботы и упаковкой этих представлений в определённый конфигуратор и выходом на определенный метауровень.

Отметим, что тот же М. Фуко, например, выделил три принципиальных аспекта заботы о себе (в качестве реконструкции дискурса):

- эпимелейя как некая *общая установка*, способ поведения; установка по отношению к себе, к другим, к миру;
- эпимелейя как оптика зрения, *способ видения*, заключающийся в переносе внимания с внешнего на внутреннее, на себя;
- эпимелейя как *практика*, с помощью которой осуществляется эта забота, результатом чего является преобразование себя¹.

Г.В. Иванченко же вводит своё рамочное представление о заботе: «формирование деятельного трансцендирующего отношения к себе, к своим действиям и желаниям»².

Проведя широкий историко-культурный обзор³, Г.В. Иванченко представила своеобразный конфигуратор «тупиков заботы», разного рода редуций (или дилемм) и

¹ Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. Пер. А.Г.Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – С. 23.

² Иванченко Г.В. Забота о себе... С.16.

³ Качество обзора мы обсуждать не будем. Например, в обзоре Г.В. Иванченко никак не отражена практика христианской православной аскезы и философский опыт как практика заботы-аскезы. И сам материал подобран большей частью из психологической и психотерапевтической практики. Но это означает только то, что важен не сам материал, а рефлексивная работа по его поводу. Обилие философских цитат самих по себе, к примеру, не гарантирует философской глубины работе, в которой эти цитаты приводятся.

среди них – выделила определённые «оптимальные решения» субъекта заботы. Приведем этот конфигуратор в виде таблицы, взятой из самой работы ¹.

Таблица 1

Варианты решения дилемм по степеням и сферам метапатологий

		Сферы метапатологий		
		Я – мир (чувство бытия)	Я – Другой (отношения с людьми)	Я – Я как объект (отношения с собой, работа над собой)
Степени метапатологичности	Утрата связи с источниками бытия	Избыточная сложность мира, дезинтегрированность	Фанатизм, соблазненность идеями	Всеотзывчивый активизм
		<i>«Цветущая сложность», полнота жизни</i>	<i>Доверие, реализм</i>	<i>Избирательность</i>
		Предельная простота, убогость, нехватка, маложизненность	Неверие, недоверие, цинизм	Отчужденная апатия
	Утрата направления, ориентиров, пути	Хаос случайного	Слияние (заменяемость)	Несогласие со сложившимся, протест, насилованность самосовершенствовани я
		<i>Неслучайность</i>	<i>Автономность</i>	<i>Чувство пути</i>
		Беспросветная детерминированность	Изоляция, отгороженность (ложная уникальность)	Безразличие к альтернативам (направлениям), ощущение тупика, отрицание совершенства и возможности самосовершенствовани я
	Отсутствие меры	Неустойчивость, вечный поиск новизны	«Боязливая совесть»	Чрезмерно высокая планка, сравнение с нереалистическим идеалом
		<i>Верность себе (способность меняться)</i>	<i>Баланс отдачи и принятия</i>	<i>Адекватная сложность задач самосовершенствовани я</i>
		Неизменность, ригидность	«Спящая совесть»	Заниженная планка

Если по горизонтали откладывать ориентир – сферы отношений Я (субъекта заботы) к себе, к миру и к Другому, а по вертикали откладывать ориентир – степени утраты меры

¹ Иванченко Г.В., указ. соч., с. 135.

отношения (степени метапатологичности), то мы получаем три группы стратегий по вертикали и три группы по горизонтали. И в каждой группе есть поиск оптимального решения, выявление оптимальной стратегии – той самой искомой заботы. В таблице они выделены курсивом:

1. По отношению к источнику бытия это стратегия, связанная с обретением полноты жизни (Я и мир), доверия, реализма (Я и Другой) и избирательности (Я и Я как объект).

2. По отношению к направленности, ориентирам в пути – это стратегия, построенная на неслучайности (Я и мир), автономности (Я и Другой) и чувстве пути (Я и Я как объект).

3. По отношению к проблеме поиска меры стратегия заботы заключается в обретении верности себе (способности меняться) (Я и мир), балансе отдачи и принятия (Я и Другой), адекватности сложности задач самосовершенствования (Я и Я как объект).

Да, конечно, конфигуратор составлен в сугубо психологистическом зале, даже с креном в психотерапию. И в этой рамке субъект заботы неминуемо редуцируется до индивида, желающего обрести искомую середину. Мы тем самым теряем не только онтологический контекст, но и самого субъекта заботы. Мы попадаем в ловушки тупиков, от которых предостерегает нас сама Г.В. Иванченко. Словарь таблицы психологистичен и метафоричен и провоцирует нас на язык примеров и прецедентов.

Но фактически Г.В. Иванченко предложила ту самую оптику, видение феномена заботы о себе, с одной стороны, в категориях разного рода тупиков и редуций («спящая совесть», фанатизм и соблазнённость идеями и др.), а с другой стороны, она предложила стратегию поиска оптимального решения, которое выбирает и выстраивает субъект заботы.

Этот конфигуратор выгодно отличается от инвентарных списков П. Адо или М. Фуко, приведённых ими на материале римских стоиков (их многочисленные примеры практик заботы и духовных упражнений). Последние нас также никак не выводили на метауровень понимания заботы как феномена и концепта и как онтологически укоренённой практики. Конфигуратор Г.В. Иванченко – уникальная и первая попытка, с одной стороны, собрать прецеденты разного рода практик духовной работы и душевных упражнений, с другой стороны – попытка вывести дискурс заботы на метанаучный и метапрактический уровень, даже если эта попытка была осуществлена на психотерапевтическом материале. Но этот конфигуратор задаёт определённые ориентиры и фактически предлагает свою топикку заботы.

Отметим, что наибольшая частотность и масса работ по заботоведению базируется именно на психолого-педагогическом и этическом материале. Это показывает и серьёзные дефициты.

В.К. Пичугина как раз отметила принципиальный категориальный понятийный дефицит – в нашей литературе на данный момент не существует ни одной педагогической работы, в которой античная забота о себе определялась бы как феномен, обусловивший обоснования педагогической теории и практик¹. Этот дефицит В.К. Пичугина и другие авторы (В.Г. Безрогов, М.А. Полякова, Г.В. Иванченко) как раз и стараются преодолеть своим работами.

Хотя именно в Педагогической энциклопедии в единственном месте дана попытка категориально определить феномен заботы. Известный специалист по этике Р.Г. Апресян определяет его так: «Забота – деятельное отношение к человеку, направленное на оказание помощи, содействие благу и счастью человека и вытекающее из сострадания и обязанности»².

¹ Пичугина В.К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики... С. 6-7.

² Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х тт. Т. 1. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – С. 316.

Отметим явно выраженный нравственно-этический императив данного определения и внешнюю направленность заботы – деятельное участие и попечение о другом. Приставка «о себе» не стала категорией до сих пор и остаётся предметом разговоров и дискуссий.

Фактически по выше описанному дискурсивному топу мы увидели, что в работах разных авторов сделан серьёзный задел, направленный на переосмысление всей истории педагогики в категориях заботы. Автор показала, что забота о себе – не просто некая узко педагогическая категория или моральное правило, а онтологически, культурно и социально укоренённый принцип отношения человека к себе, принцип его самообразования, выступающий для него ориентиром и жизненной опорой, позволяющей ему становиться совершенным человеком, соответствующим идеалам социума (будь то ἐπιτέλεια в Афинах или cura sui в Риме).

Резюме по данному топу. Дискурс заботы заявлен. Предложен черновой эскиз концепта-конфигуратора заботы, предполагающий встраивание его в категориальный ряд гуманитарных наук. Предложены идеи по выстраиванию самостоятельного антропологического дискурса с использованием в нём концепта заботы.

Топ третий – предмет и практика заботы

Работы по данному топу по своим результатам зависят от работы, проделанной в предыдущих топах.

Если следовать М. Хайдеггеру, забота есть онтологически укоренённая нужда человека в том, чтобы стать сущим, становящимся внутри бытия как несокрытости. Благодаря этой нужде человек становится собственно собой как сущим, открываясь потаённому истоку, и исток открывается ему, становясь ему непотаённым. В таком случае забота есть постоянная работа мысли и действия, связанная с таким опытом открывания, размыкания. И здесь пригодны разнообразные практики, построенные по принципу размыкания.

Если следовать П. Адо, то забота выступает как духовное упражнение, реализующееся как минимум в двух форматах: упражнение как эпистрофе, направленное на возвращение к первоначалу, основе. И упражнение как метаноиа, «умопрена», предполагающее преобразование человека¹. И то и другое все же хотя и упражнение, но предполагает открывание символическому горизонту, космосу. Для П. Адо таковым может быть любая философская практика (если она философская). П. Адо полагает, что таковая философская практика характерна не только для античности, но и в целом для всей философии, вплоть до Р. Декарта и И. Канта.

Если следовать М. Фуко, то забота как живой опыт – это определённые «практики себя», построенные на выше названных трех принципах – установка, оптика видения и праксис, упражнение. В целом для М. Фуко важно было удержать субъектный аспект проблемы – кто осуществляет заботу? В процессе своего анализа М. Фуко в итоге перестает удерживать онтологический горизонт М. Хайдеггера и космос П. Адо и сводит практику себя к конкретным действиям конкретного индивида, делающего свою жизнь как некое произведение, что заставило П. Адо, как мы уже отметили выше, упрекнуть М. Фуко в «дендизме».

Само по себе перечисление разного рода практик, приведённое у П. Адо и вслед за ним у других исследователей, не задаёт ещё контекста заботы. Чтение, медитации, работа на внимание, слушание, воспоминание, досмотр души и др., приводимые П. Адо, не сами

¹ Адо П. П. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. При участии В.А.Воробьева. – М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – С. 199-200.

по себе задают опыт заботы, а те, которые осуществляются в определённом режиме и на фоне горизонта Блага, мысль о котором удерживает субъекта в контексте заботы¹.

А что у нас в отечественной литературе? Есть ли отличие от названных направлений мысли? Наблюдается ли какое-то продвижение и прояснение? Последнее всё же необходимо по следующим причинам.

Предмет заботы всегда остаётся открытым просто потому, что всякий раз не ясным становится конкретность действия. Особенно острота возникает при анализе разного рода современных практик духовности. Реконструкция античной пайдеи нам полезна и понятна. Но это работа с текстами. Сократ или Эпиктет нам не ответят. М. Хайдеггер тоже. Но что делать-то надо нашему современнику? Например, ведение дневника самонаблюдений: задаёт он контекст заботы или это синдром подростка, который с возрастом проходит? Или занятие поэзией? Работа со словом задаёт контекст заботы или это синдром графомана и он тоже проходит?

Г.В. Иванченко, как мы описали в предыдущем топе, помещает заботу в широкий контекст практик трансцендирования, пытаюсь лавировать между крайностями и пределами, разными патологиями и аддикциями. Но с учётом психопрактического контекста всей книги Г.В. Иванченко забота ею понималась всё же как практика индивида, причём ничего не гарантирующая: «Подлинная «забота о себе» – это усилия, которые никогда не оказываются ни вполне удовлетворительными, ни абсолютно бесполезными. Техники работы над своим Я (*epimeleia*) лишь несколько рационализируют эти процессы.... Забота о себе не является гарантированным средством решения психологических и жизненных проблем, но она безусловно расширяет пространство выбора, пространство возможных решений»².

Г.В. Иванченко фиксирует принципиальный критерий практики заботы: то упражнение работает в контексте заботы, которое расширяет пространство выбора, раздвигает горизонт возможного. Поэтому речь, разумеется, идёт не о конкретных списках упражнений, а о том, что значит и как задать вектор раздвигания, импульс раскрытия горизонта.

Но в таком случае возникает другой принципиальный вопрос. Вектор размыкания Иному у монахов-исихастов задавался понятным образом: верующий открывается Богу, то есть онтологически Иному существу. И это открывание Иному и задавало желаемый вектор. На этом построена и концепция синергийной антропологии С.С. Хоружего. Без принципа размыкания конструкция-концепт не выстраивается.

Фактически этот же контекст удерживают такие авторы, как В.Г. Безрогов, А.Г. Бермус, А.Г. Погоняйло. Эти авторы не только реконструируют практику заботы по ветхозаветным и новозаветным библейским текстам или по античным и новоевропейским философским работам (В.Г. Погоняйло)³ но и фактически распространяют это требование и к современной практике заботы, поскольку мы живем в христианством горизонте. И потому, например, как обоснованно полагает В.Г. Безрогов, забота, понимаемая и осуществляемая как практика обращения и преображения, является парадигмой в христианской культуре. В.Г. Безрогов вполне в духе христианской православной традиции отстаивает принцип обращения и преображения «ветхого человека», концепция и практика которой оформилась в эпоху складывания корпуса новозаветных текстов⁴.

¹ Адо П. П. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. При участии В.А.Воробьева. – М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – С. 23-33.

² Иванченко Г.В. Забота о себе... С. 299.

³ А.Г. Погоняйло, как и П. Адо, полагает в целом практику философствования такой заботой, а заботу «органом философии» (Погоняйло А.Г. Опыт себя...С. 42). Философский акт как событие само по себе разомкнуто. Оно и есть разомкнутость, хайдеггера и греческая алетейя, истина-несокрытость (Погоняйло А.Г. Опыт себя...С. 41).

⁴ В.Г. Безрогов также, как и П.Адо, останавливается на принципе античного обращения (греческой ἐπιστροφή и римской *conversio*) как метафоры и принципа метаморфоза человека. Этот принцип предполагал

В.Г. Безрогов при этом трактует практику заботы в сильно выраженном педагогическом контексте – такая практика заботы дана как парадигма для подражания и примера молодым, как образец совершенного человека, человека воспитанного, образованного. В.Г. Безрогов показывает формирование образца совершенного нового человека как идеала, взятого с совершенной личности Иисуса Христа и который должен быть повторён каждым христианином как образец поведения. В.Г. Безрогов привлекает новые тексты философских и религиозных авторов, которые показывают прецеденты и трактовки ими этой практики обращения. Например, интересен пример с «Таблицами» Кебета, сочинениями I в. н.э. В них указаны три принципа практики заботы, понимаемой как обращение: «1. Хорошим быть трудно, жизнь в добродетели есть состязание, борьбы, схватка, ристалище. 2. Есть только один выбор – между лёгкой жизнью в пороке и трудной жизнью в добродетели. 3. Непременность правильного выбора есть правильный вид образования (paideia)»¹. Чтобы достичь «истинного воспитания», требуется не школа, а раскаяние (обращение), то есть отказ от себя порочного, ветхого, то есть аскеза.

Тем самым В.Г. Безрогов напоминает важнейший принцип и тип практики заботы. Прежде всего, это практика аскезы, то есть практика отказа от себя индивидуального, желаемого и слабого, зависимого от своих желаний. Это то, что затем прочно вошло в молитвенную практику христианской аскезы и практику философской аскезы, описанную в разных работах (см. в работах П. Адо, С.С. Хоружего, С.А. Смирнова²).

Этот момент принципиальный. Он пока до конца не прояснён в работах отечественных авторов. Одна группа авторов полагает заботу о себе как усиление себя, укрепление своего духа и плоти, вплоть до оснащения, обеспечения, оснастки, с тем, чтобы быть сильным, укрепленным и проч. Фактически, этот подход можно назвать «стоическим». М. Фуко в своих комментариях и показал, что древние греки (на примере стоиков) не пошли на принцип себя-обращения, а наоборот сохранили принцип себя-усиления, укрепления своей субъектности. Этой линии большей частью придерживается и Г.В. Иванченко, и многие другие авторы, особенно те, кто занимается психопрактикой. Для них фактически индивид с его данностью незыблем. Эта линия наиболее сильно выражена и в западной научной и духовной традиции.

Другая группа авторов придерживается иного подхода, согласно которому собственно забота о себе как раз начинается с отказа от себя индивидуального, от себя ветхого, порочного и ущербного. Это линия «монашеская», включающая также и опыт построения монастыря в миру (как в случае с П.Я. Чаадаевым и В.В. Библихиным). На эту традицию большей частью опираются А.Г. Бермус, В.Г. Безрогов и другие авторы. В.Г. Безрогов пишет: «Исследовать душу новым духовным знанием, идти к нему путём обращения и преображения и есть основа заботы человека раннехристианского мира об Истине и о себе»³. Но важно то, что фактически такое понимание для В.Г. Безрогова становится образцовым, по нему он сверяет и все остальные последующие педагогические практики заботы.

Но мы фактически плавно перешли к теме, пожалуй, самой тонкой и спорной – к теме «себя», теме субъекта заботы.

Топ четвёртый – субъект заботы

Если вернуться к выше описанному топу, предмету и практике заботы, то мы выделили два тренда, две линии в понимании базового контекста в практике заботы.

также античный вариант переодевания в новые одежды, рождения в индивиде нового человека (Безрогов В.Г. Обращение и преображение...С. 103-104).

¹ Безрогов В.Г. Обращение и преображение...С. 105.

² Адо П. П. Духовные упражнения...; Хоружий С.С. К феноменологии аскезы...; Смирнов С.А. Философская аскеза...

³ Безрогов В.Г. Обращение и преображение...С. 111.

Первая линия понимает практику заботы как усиление себя, оснащения и укрепления собственной субъектности. Вторая линия понимает практику заботы как преобразование себя, отказ от себя индивидуального в пользу себя как возрождённой личности. В первой линии доминирует фигура атлета-агониста, во второй линии доминирует фигура аскета¹. Можно ли сказать, что собственно это и есть искомый субъект заботы?

Тот же М. Фуко отметил в своих комментариях, что «себя» означает некое рефлексивное начало в человеке, рефлексивную возвратность, делающую возможным активность человека по его собственному обращению². Что позволяет мне обращаться? Сам принцип обращения, оборачивания вокруг себя, означает рефлексивный залог. И это состояние рефлексивности, переживаемое всегда как пограничное состояние, и есть тот, условно говоря, орган субъектности, позволяющий мне совершать эти постоянные круги обращения.

Но, думаю, не так все просто. Например, умный и грамотный А.Г. Погоняйло, переводчик М. Фуко и А. Кожева, с одной стороны, фиксирует момент изменения и отказа субъекта от себя, но с другой – выделяет момент усиления себя через акт испытания себя и взросления: «Я – тот же самый как перечеркнувший себя и поэтому неравный своим желаниям, действиям и поступкам. Тот же самый как всегда другой, и только поэтому могущий собой оставаться и не поддаваться позорному (малодушному) желанию периодически начинать жизнь сначала, но привыкший отвечать за себя. Меня сделало таким само то же самое, через испытание которым я прошёл в опыте себя, умерев для себя и родившись собой. И все Другие – взрослые люди – такие же. В причастности Логосу мы все совпадаем абсолютно. Хотя мы все причастились ему по-разному»³.

А.Г. Погоняйло отмечает важнейший момент всегда-себе-неравенства, не тождественности себе и одновременно ответственности перед собой. Просто фиксировать момент усиления себя или момент отказа от себя в пользу Иного (Бога, Логоса, Блага, другого человека) – значит не договаривать основной тезис: в своём опыте заботы я вообще-то отвечаю за свои поступки, а значит не отказываюсь от себя. Я несу ответственность за себя, то есть за кого? За себя, так поступающего. И одновременно я совершаю опыт заботы как опыт взросления, то есть радикальной перемены себя, выстраивания в себе и на себе нового органа, делающего меня более точным и адекватным себе и миру. Потому что мир и я в мире – такие, как есть, и иного мира мне не дано⁴.

Оглядываясь назад на обзор топов, мы тем самым фиксируем: приставка «себя», «о себе» важна, как ни странно, именно для укоренения самой заботы. Приставка «себе» означает рефлексивность и ответственность самого субъекта, автора заботы, которого в тебе никогда нет в качестве готового начала, но которое в себе ты всякий раз выстраиваешь и пестуешь, и несешь за свой собственный опыт и мир, данный тебе в опыте и поступке, ответственность.

Заключение

Итак, в приведённом обзоре мы увидели, что феномен заботы о себе как магический кристалл при разных поворотах начинает играть разными гранями. Но мы также понимаем, что он пока остаётся именно феноменом, который сам решит, повернуться к нам всей своей явью или ещё оставаться потаённым. В то же время частотность

¹ В своей предыдущей работе мы выделили три фигуры идентичности субъекта и три практики заботы: атлетика в жанре агона, соревнования (забота как оснащение ради победы); актерство в жанре мимезиса, подражания, забота как подражание оригиналу, образцу; и собственно забота в жанре автопоэзиса (преобразование субъекта): Смирнов С.А. Забота о себе....

² Фуко М. Герменевтика субъекта... С. 53-54.

³ Погоняйло А.Г. Опыт себя... С. 41.

⁴ Погоняйло А.Г. Опыт себя... С. 42.

упоминаний работ, посвящённых феномену заботы и количество посвящённых этой теме конференций также не является окончательным и достоверным свидетельством того, что забота о себе становится одной из каркасных категорий в современной антропологии.

Некоторые авторы полагают, что так оно и есть. Как пишет А.Г. Бермус, «концепт «заботы о себе» становится одной из универсалий гуманитарного знания, задавая философскую оптику в понимании ситуации человека в начале XXI века»¹.

В.Г. Безрогов и В.К. Пичугина отмечают, что «забота о себе» стала «одной из центральных категорий, определяющих сущность антрополого-педагогического проекта»².

М.А. Полякова фиксирует, что «в XX веке *cura sui* находится в центре внимания антропологических, экзистенциальных и герменевтических философских учений»³.

В то же время Г.В. Иванченко справедливо замечает, что «забота о себе» – редкий пример того, как целая огромная область понятий, дискуссий и практик погрузилась в область умолчания и забвения – вплоть до недавнего времени»⁴.

Думаю, правы все. Но смотря что имеется в виду.

Если говорить о гуманитарно-антропологическом контексте и понимать заботу о себе в предельно широком смысле – как мысль и практику человека о самом себе, то этот контекст был всегда, начиная с Сократа и Протагора и заканчивая современным экзистенциальным анализом. Проблема заботы обостряется в период кризисов и глобальных вызовов. В настоящее время мы столкнулись с очередным радикальным онтологическим вызовом и обращение к тематике заботы вполне оправдано.

Но с другой стороны, встаёт вопрос о готовности человека формулировать ответ на такие вызовы. Готов ли человек выработать адекватный ответ на современный радикальный онтологический вызов? Выработал ли он внятный, проработанный, артикулированный ответ и построил ли он отрефлексированную позицию заботы не только в формате дискурса и концепта (что пока в дефиците), но и в формате праксиса, деятельной заботы о себе как о страже бытия? Здесь вопрос остаётся открытым – как задание на будущее.

Перед нами – открытое поле. На нём нет ни дорог, ни развилки. Потому что дороги в незнание нет. Туда не ступала нога человека. А поэтому карты этого поля и дорог по нему нет. Нужен навигатор, то есть метод пути, способ движения. Забота – одна из мыслительных и практических опор, помогающих эту навигацию осуществить.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. К истолкованию символики мифа об Эдипе [Текст] // Античность и современность. – М., 1972.
2. Адо П. П. Духовные упражнения и античная философия [Текст]/ Пер. с франц. При участии В.А.Воробьева []. – М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 448с.
3. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И.Дэвидсоном / Пер. с фр. В.А.Воробьева [Текст] – М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 288с.
4. Асоян Ю.А. Этическая перспектива заботы о себе в концепции М. Фуко: от «эстетики существования» к «генеалогии этики» [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 11-27.

¹ Бермус А.Г. Феноменология «заботы о себе»...С. 112.

² Пичугина В.К., Безрогов В. Г. Образование и забота о себе в эпоху метамодерна...С. 116.

³ Полякова М. А. Место *cura sui* в западных концепциях образования...С. 80.

⁴ Иванченко Г.В. Забота о себе...С. 17.

5. Ахутин А.В. Практика субъективности и/или герменевтика субъекта. Критический анализ отношения «познания себя» и «заботы о себе» у позднего М.Фуко []. // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2009. – № 9. – С. 44-66.
6. Безрогов В.Г. Обращение и преобразование как забота о себе: педагогическая парадигма христианской культуры [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 99-111.
7. Безрогов В.Г., Пичугина В.К. Забота о находимом себе: от Сократа к сети [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 234-246.
8. Безрогов В.Г., Пичугина В.К. «Забота о себе» как психолого-педагогическая категория: обзор современных отечественных исследований [Текст] // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 3 (31). – С. 143-151.
9. Бермус А.Г. Феноменология «заботы о себе» в контексте библейских традиций [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 112-127.
10. Бибахин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к Beiträge [Текст] // Ἑρμηνεία □ □Герменея. Журнал философских переводов. – 2009. – № 1(1). – С. 95-118.
11. Бибахин В.В. Узнай себя [Текст] – СПб.: Наука, 1998. – 577с.
12. Болотникова Е.Н. Рождение себя в практиках заботы: взгляд из настоящего [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 1. Постоянство пребывания с собою. – М.: Канон+, 2015. – С. 180-193
13. Борисов С.В. Практика философствования как опыт «заботы о себе» [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 28-39.
14. Васильева, Т. В. Афинская школа философии [Текст] Москва: Наука, 1985. – 160с.
15. Горбачёва А.Г. Ситуация человека: отказ от заботы о себе [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 343-352.
16. Грейвс Р. Мифы Древней Греции [Текст] – М.: Прогресс, 1992. – 624с.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] В 4 тт. Т. 1. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 640с.
18. Иванченко Г.В. Забота о себе: история и современность [Текст] — М.: Смысл, 2009. – 304 с.
19. Козлова М.А. Категория «забота о себе»: проблемы интеграции в психологию морали [Текст] // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 3 (31). – С. 152-162.
20. Козлова М.А., Кошелева Н.В. Забота о себе и о Другом как моральная установка: междисциплинарный подход [Текст] // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: «Педагогика. Психология». Выпуск 3 (38). 2015. – С. 94-105.
21. Кавинова И.П. Забота о себе как альтернатива самопознанию в античной философской мысли [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 40-49.

22. Кайгородов П.В. Границы категории Иного в парадигме трансгуманизма [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 353-358.
23. Ковалева Т.М. Развитие субъективности или «забота о себе» в современной педагогике [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 262-269.
24. Коковин И.С. Забота о себе в философии П.Я. Чаадаева [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 50-59.
25. Львов А.А. Археология мировоззрения: забота о себе сквозь призму новоевропейской рациональности [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 128-136.
26. Любимова Т.Б. Трагическое как эстетическая категория [Текст] – М.: Наука, 1985. – 128с.
27. Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры [Текст] Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 1. Постоянство пребывания с собою. – М.: Канон+, 2015. – 416 с.
28. Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры [Текст] Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – 1436 с.
29. Пичугина В.К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики [Текст]: автореф. дис... д-ра пед. наук. Волгоград, 2013.
30. Пичугина В.К. Антропологический дискурс педагогики. Исторические и теоретические аспекты [Текст] – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 168с.
31. Пичугина В.К. Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике [Текст] – М., 2014.
32. Пичугина В.К., Безрогов В. Г. Образование и забота о себе в эпоху метамодерна [Текст] // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: «Педагогика. Психология». Выпуск 3 (38). 2015. – С. 116-128.
33. Петрова Г.И. «Забота о себе»: технология или антропология? [Текст] // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2009. – № 9. – С. 118-124.
34. Погоняйло А.Г. Техника себя и философия Нового времени [Текст] // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2009. – № 9. – С. 67-80.
35. Погоняйло А.Г. Опыт себя как выход в логическое [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 1: Постоянство пребывания с собою. – М.: Канон+, 2015. – С. 32-42.
36. Полякова М. А. Место *cum sui* в западных концепциях образования (*παλδεία*, *humanitas*, *Bildung*) [] // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: «Педагогика. Психология». Выпуск 3 (38). 2015. – С. 80-93.
37. Российская педагогическая энциклопедия [Текст]: в 2-х тт. Т. 1. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.
38. Смирнов С.А. Забота о себе: концепт и практика [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ,

Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведет нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 60-74.

39. Смирнов С.А. О смысле онтологической заботы/работы (комментарии на полях «Герменевтики субъекта» М.Фуко) [Текст] // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2010. – Т. 4. - № 1. – Серия: «Психология». – С. 74-93.

40. Смирнов С.А. Фармацевтика антропологических трендов. Антропологический форсайт [Текст] // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 88-104.

41. Смирнов С.А. Философская аскеза Петра Чаадаева [Текст] // Философские науки. 2015. № 8. – С. 21-36.

42. Смирнов С.А. Форсайт человека. Опыты по неклассической философии человека [Текст] – Новосибирск: Офсет, 2015. – 660с.

43. Соловьев А.Е. Историко-философский анализ феномена «заботы о себе» [Текст]: автореф. дис... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

44. Таланов В.М. Жизнь, забота о себе и поиски смыслов [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведет нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 75-78.

45. Тульчинский Г.Л. Забота о себе и личность как автопроект. Практики себя в проектно-сетевом социуме: сетевая рента и прекарный труд [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 1. Постоянство пребывания с собою. – М.: Канон+, 2015. – С. 194-206.

46. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: в четырёх томах. Т. 2. – М.: Астрель. Аст, 2004. – 671с.

47. Федичева К.В. Забота о себе: философский, онтологический и этический аспекты [Текст] // Вестник Ленинградского государственного университета. – 2010. – Т. 2. - № 3. – С. 136-144.

48. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году [Текст] Пер. А.Г.Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677с.

49. Хайдеггер М. Вклады в дело философии. От события. Пер. Э.Сагетдинова [Текст] // Ἐπιφύλα. Герменей. Журнал философских переводов. – 2009. - № 1(1). – С. 56-94.

50. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. В.В. Бибихина [Текст] – М.: Ad Marginem, 1997. – 452с.

51. Хайдеггер М. Ницше. Пер. с нем. А. П. Шурбелева [Текст]: в 2-х тт. Том II– СПб.: Владимир Даль, 2007. – С. 118.

52. Хоружий С.С. Последний проект М.Фуко в призме синергичной антропологии [Текст] // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2009. – № 9. – С. 11-43.

53. Хоружий С.С. Человек: сущее, трояко размыкающее себя [Текст] // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2006. – № 2. – С. 31-56.

54. Хоружий С.С. К феноменологии аскезы [Текст] – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 352с.

55. Чеснокова М.Г. Категория «заботы о себе» в философско-религиозных взглядах С. Кьеркегора [Текст] // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведет нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – С. 79-87.